

Шмакодзявка

новеллы, притчи, стихи

Сергей Бичуцкий

16+

Сергей Бичуцкий

Шмакодявка

«Автор»

2018

Бичуцкий С. М.

Шмакодявка / С. М. Бичуцкий — «Автор», 2018

Герои книги - простые люди, и их поступки, у одних, бесчеловечные и бессердечные, а у других, милосердные и порой даже жертвенные, являются отображением понимания, что такое добро и зло. Я не задумывался о том, чтобы как-то оправдать одних и осудить других. Если это, в конечном счёте так и получилось, то только по отношению к абсолютному злу.

© Бичуцкий С. М., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Врут, сволочи	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	19
Шмакодявка	22
Глава 1	22
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Бичуцкий

Шмакодявка

Врут, сволочи

Новелла

Глава 1

Жил на свете один не очень молодой человек по имени Игорь. Без особых планов на будущее, без каких-то стремлений, без несбыточных мечтаний, без семьи и детей, хотя уже разменял четвёртый десяток лет. Жил с родителями в двухкомнатной квартире, с младшими братом и сестрой, в тесноте и естественных неудобствах такого совместного сосуществования пятерых взрослых людей. Надежд на что-то лучшее не было даже в перспективе, если не считать того, что двадцатилетняя сестра Аня собиралась замуж, что, по мнению остальной семьи, предполагало освобождение части жилой площади, хотя и этот вопрос находился ещё в стадии неопределённости, потому что избранник Ани тоже звёзд с неба не хватал: родителей олигархов у него по странному стечению обстоятельств не было, с жилплощадью такие же проблемы, а о зарплате так и вовсе лучше вслух не вспоминать. Любовь? Ну, если дело только в этом, то влюблённые должны понимать, что решать свои проблемы они должны сами, а не за счёт других. Любовь, как известно, требует жертв. Посему, единственное, на что готовы были родные Ани, это помочь с организацией свадьбы. А дальше... всем сейчас непросто. Так что, замужество благословили, со свадьбой помогут, а дальше – успехов вам во всех ваших начинаниях. Это молодых, то ли по житейской неопытности, то ли по недалёковидности, то ли в связи с настоящим чувством, о котором сейчас почему-то не принято упоминать, совершенно не пугало. С милым и в шалаше – Рай. Так что радужные надежды семьи Игоря на скорое расставание с Аней, о котором, впрочем, пока вслух не говорили, вскоре должны были воплотиться в реальность. При этом совершенно неправильно было бы утверждать, что семья Игоря чем-то отличалась от миллионов таких же среднестатистических семей. Пьянством никто не страдал. Злобностью и склочностью характера тоже. Все, в меру своих душевных качеств, любили и уважали друг друга. Но, в их совместном существовании была одна весьма чувствительная проблема – они, мягко говоря, просто немного устали друг от друга.

Сам же наш герой, подававший и в детстве, и в юности, надежды на какое-то определённо успешное будущее, не оправдал их даже частично. Он легко и уверенно учился вплоть до старших классов. Отменная природная память и всевозможные таланты в самых разных областях жизнедеятельности совершенно дезориентировали его. Его увлечения и занятия менялись с калейдоскопической быстротой. Без усилий добиваясь каких-то первых незначительных успехов, он тут же остывал и либо увлекался чем-то новым, либо просто балбесничал. Так он и прыгал по верхушкам, внешне – успешный и способный, внутренне – пустой и растерянный. Как и всякий, хоть сколько-нибудь одарённый недоросль в его возрасте, он совершенно искренне считал, что всё ему в жизни по силам; что он ещё успеет всё сделать, но потом, даже не обременяя себя мыслью о том, что же означает это «всё», и когда настанет это «потом»; что источник денег находится в родительском кошельке и он неистощим; что стоит ему только появиться где-нибудь в районе МГУ, и сам ректор выскочит ему на встречу, и будет умолять его стать студентом; что после учёбы (как будто он уже поступил и окончил) его немедленно пригласят в Академию Наук, а там – Нобелевская премия, всемирная известность и т. д. и т. п.

И пока он оттачивал и полировал свои мечты о прекрасном будущем, не ударяя при этом палец о палец для их воплощения в жизнь, пришло время окончания школы, и вдруг выяснилось, что жизнь куда более прозаична и сурова, чем все его представления о ней. После окончания школы куда-то исчезло всеобщее обожание и восхищение его талантами и способностями, а в институте, куда он с огромным скрипом поступил, рядом с ним вдруг оказались те самые сверстники, которые по сравнению с ним считались серостью. А в дальнейшем они и вовсе оказались отличниками, доказательством чего были их красные дипломы. Эти метаморфозы почему-то никоим образом не заставили его задуматься о причинах таких перемен. Он всё так же считал, что стоит ему только захотеть, и он немедленно всех их заткнёт за пояс. Но этого желания у него по какой-то ему неведомой причине так и не появилось. Почему? А он и не задумывался об этом, хотя причина была до боли банальна – Игорёша был ленив. Просто ленив. И эта лень со временем стала убивать его таланты и способности. Мало – помалу, капелька за капелькой его таланты истекали из него и безвозвратно терялись где-то в просторах безбрежной вселенной. Ну что ж здесь поделаешь? Каждый – творец своего счастья. Или несчастья. Тут уж, кто что выбирает.

Окончив институт, он устроился мастером на стройку, с понятием какой зарплатой, которой ему, однако, хватало на безбедное существование, поскольку он лишь небольшую часть заработанных денег отдавал матери на питание, а оставшуюся сумму расходовал на свои нужды. Ему хватало, поскольку вместе с истекающими из него талантами, также безвозвратно истекали не только его устремления, но и какие-то желания вообще. Матушка лень беспощадна. Так бы вся их жизнь и продолжалась, если бы однажды вечером не прозвенел звонок в дверь. Открыла мама. Перед ней стоял солидно одетый седовласый мужчина преклонного возраста.

– Вам кого? – спросила она.

– Добрый вечер – сказал мужчина. – Простите за беспокойство. Я разыскиваю Игоря Валерьевича Телегина. Он здесь проживает?

– Здесь. – сказала, почему-то забеспокоившаяся Ирина Алексеевна. – А по какому поводу?

– По поводу весьма радостному. – успокоил её мужчина. – Вы позволите мне пройти и объяснить цель моего визита?

– Да, конечно. Проходите, пожалуйста. – Ирина Алексеевна отошла в сторону и пропустила гостя в квартиру. – Обувь лучше оставить в прихожей. Я, знаете ли, только сегодня помыла полы. Я вам тапочки дам.

– Весьма кстати. – согласился мужчина. – Целый день на ногах, а в моём возрасте такие нагрузки бесследно не проходят. Надев предложенные тапочки, он посмотрел на Ирину Алексеевну и, улыбнувшись, произнёс: – Позвольте представиться – Семён Семёнович Треухов. Адвокат.

– Очень приятно. Ирина Алексеевна. Мама Игоря. Да вы проходите в квартиру. – пригласила она Семёна Семёновича. – Присаживайтесь за стол, Семён Семёнович. Игорёши сейчас дома нет, но он с минуты на минуту должен подойти. Мы всегда ужинаем вместе. И у нас не принято опаздывать к столу.

– Весьма похвально. – одобрил Семён Семёнович. – Совместные трапезы – первый признак дружной семьи. – улыбнувшись, произнёс он.

– Спасибо, Семён Семёнович. – улыбнувшись в ответ, сказала Ирина Алексеевна. – Так что же всё-таки привело вас к нам? – спросила она.

– Наследство, Ирина Алексеевна.

– Наследство? – удивилась Ирина Алексеевна. – У нас вроде бы нет ни близких, ни дальних родственников, обладающих хоть какими-то заметными богатствами.

– В завещании не указана степень родства. Указано лишь имя, фамилия наследника и точная дата и место его рождения. И хотелось бы сверить их прежде, чем придёт ваш сын, если вы, конечно, не против.

Семён Семёнович открыл папку, достал оттуда документ с именем и датой рождения наследника и протянул его Ирине Алексеевне.

– Всё правильно? – спросил он у неё.

– Да, Семён Семёнович. Всё правильно. – подтвердила она. – Паспорт Игорь всегда носит с собой. На всякий случай. Время сейчас такое, что без документов никак не обойтись. – будто оправдываясь, сказала Ирина Алексеевна. Звук открывающейся двери прервал её оправдание. – А вот и Игорь. – с облегчением произнесла она.

Через минуту появился и сам наш герой. Очень приятное, с ласковым выражением глаз лицо хотя и располагало к себе, но не скрывало и того, что его хозяин вряд ли был обладателем сильного характера.

– Добрый вечер. – поздоровался Игорь с присутствующими, улыбнувшись. – У нас гости? – Спросил он, обращаясь к матери.

– Здравствуй, сынок. – ответила на приветствие Ирина Алексеевна. – Скорее у тебя гость.

– Позвольте ещё раз представиться: Семён Семёнович Треухов – адвокат. – сказал, поднявшись со стула, гость. – Я посетил вас с целью предварительного оглашения завещания и документальной сверки указанных в завещании данных о наследнике. Позвольте ваш паспорт, Игорь Валерьевич.

Удивление отобразилось на лице Игоря. Он достал паспорт и протянул его адвокату. Адвокат, сверив данные паспорта с теми, что были в его бумагах, улыбнулся и с облегчением произнёс:

– Наконец-то! Всё в порядке. В завещании были указаны только имя, фамилия, место и дата рождения, но не было отчества. Так что пришлось изрядно потрудиться, прежде чем мы нашли истинного наследника. Хочу вам заметить, что ваш сын не единственный в России Игорь Телегин. Но такая дата и место рождения только у него. Так что могу вам предварительно огласить завещание. Официальное оглашение будет в нашем офисе через неделю. О точном времени я сообщу вам позднее, если не возражаете.

– Нет, конечно. – ответила за Игоря мать. – Давайте только дождёмся остальных членов семьи. Всем ведь интересно.

– Ирина Алексеевна! – устало и даже несколько укоризненно произнёс адвокат. – Я уже сказал, что официальное оглашение будет через неделю. Тогда все и ознакомятся с завещанием. Хотя заранее хочу вас предупредить, что оно касается только одного Игоря Валерьевича. Итак, Игорь Валерьевич, известный французский бизнесмен Шарль Круази, не имея ни близких, ни дальних родственников (мы с нашими французскими коллегами тщательно это проверили), завещал после своей смерти всё своё состояние, движимое и недвижимое, Вам. Его состояние в денежном эквиваленте на данный момент составляет порядка тридцати миллионов евро. Вступить в свои права Игорь Валерьевич может сразу же после официального оглашения завещания, так как мы разыскивали его в течение почти двух лет и все сроки, по истечении которых наследник может вступить в свои права, давно прошли. Это известие повергло Ирину Алексеевну и Игоря в шок.

– Шутите? – спросила Ирина Алексеевна после некоторой паузы.

– Никоим образом. – ответил Семён Семёнович. – Сумма, конечно, приблизительная, так как часть денег вложена в акции, и общая сумма определена, исходя из стоимости акций на данный момент. Хотя, в реальности она может быть несколько выше или ниже.

– Непонятно другое. – недоумённо произнесла Ирина Алексеевна. – Нам абсолютно незнаком этот человек. У нас никогда не было родственников за границей, поэтому совер-

шенно непонятно, почему этот господин выбрал своим наследником моего сына. Тебе что-нибудь говорит это имя? – обратилась она к сыну. Игорь отрицательно покачал головой.

– Ирина Алексеевна. – вмешался Семён Семёнович. – Я ещё раз повторяю, что в завещании нет упоминания того, по каким причинам эти средства должен унаследовать ваш сын. Только имя, фамилия, место и точная дата рождения.

И моя задача состоит в том, чтобы найти истинного наследника, огласить завещание и ввести его во владение наследством. Выяснение же причин, по которым тот или иной завещатель передаёт своё состояние в пользу какого-то лица, не входит в круг моих прямых обязанностей. Если для вас по каким-то причинам этот вопрос принципиально важен, то я мог бы попробовать удовлетворить ваше любопытство, но только после вступления Игоря Валерьевича в свои права. Скажу вам сразу, что услуга не из дешёвых, однако при таких деньгах, это, конечно же, пустяки.

Глава 2

Процедура оглашения завещания и введения в наследство сама по себе скучна и обыденна, и ничем не отличается от всех подобных процедур. В данном случае, куда важнее и интереснее мысли, чувства и ожидания людей, хоть каким-то образом причастных к этому наследству. Собравшиеся вечером все члены семьи, включая и будущего мужа Ани, с жаром обсуждали причину внезапно свалившегося на Игоря счастья, делая предположения одно невероятней другого. И, хотя никто и не произносил этого вслух, совершенно логично было бы предположить, что Игорь, на самом деле, приходится внебрачным сыном этому бизнесмену. Эта мысль почти одновременно пришла в голову всем членам семьи, кроме самого Игоря и Ирины Алексеевны. Игорю было попросту не до этих разбирательств, а относительно Ирины Алексеевны, то кто, как не она должна была бы знать о том, что было, а чего не было. Именно поэтому только ей одной вся эта история казалась загадкой. Для остальных всё было более чем очевидно. Некоторую неловкость, возникшую при обсуждении этого вопроса в виду того, что все, кроме самой Ирины Алексеевны, будто бы знали, почему именно Игорю завещаны эти деньги, старались скрыть за бурным обсуждением планов на будущее. Аннушка почти истерически хихикала, хлопала в ладошки, иногда зажимывая глаза, бросалась обнимать брата, хотя никакой духовной близости между ними не было и в помине. Братик тихо, без показухи, любил только самое себя, и об этом все прекрасно знали.

– Какое счастье! Теперь всё устроится! – повторяла Аня одну и ту же фразу, обращаясь к жениху, предполагая видимо, что в качестве подарка ли, или просто по доброй воле, Игорь купит им квартиру и их счастью не будет конца. Всевозможные планы употребления невесты откуда взявшихся денег сыпались как из рога изобилия. Примечательно было то, что планы эти рождались только в головах Ирины Алексеевны и её дочери. Что касается остальных членов семьи, то тут дело обстояло несколько иначе. Глава семьи Валерий Захарович, степенный и вдумчивый человек, никогда не знавший чувства ревности, был задумчив и молчалив. В разговоре почти не участвовал, но яд этой удивительно вредоносной страсти мало-помалу начал разрушать его душевный покой. Средний брат Игоря Сергей только подсмеивался над этими разговорами. Ему одному было совершенно наплевать и на планы, и на наследство. Он жил своей жизнью, ни на кого не надеясь, и никогда не ожидая подарков судьбы. Он был равнодушен к деньгам, и это намного упрощало его жизнь. Сам же Игорь был попросту растерян и ещё не очень верил свалившемуся на него счастью. Все попытки домашних строить планы, встречали с его стороны бурное неприятие и даже возмущение:

– Да подождите вы! Чего делить шкуру неубитого медведя? Получу наследство, тогда и посмотрим. А пока, даже и обсуждать это не хочу. И вас прошу больше не возвращаться к этому вопросу.

В его присутствии решили больше не затрагивать эту тему, однако, как тут удержаться? Мама с дочкой, проводив жениха, отправились на кухню мыть посуду и там уже продолжали шушукаться. Валерий Захарович, вспомнив вдруг, что они договорились с его закадычным другом поехать на раннюю зорьку, засобиравшись на рыбалку, а Сергей отправился в путешествие по интернету, оставив Игоря одного с обуревавшими его мыслями и чувствами.

Глава 3

По разным причинам на оглашении завещания присутствовал только сам Игорь. Все, кроме Валерия Захаровича, который, уехав на рыбалку, так и остался на даче (чем ещё пенсионеру занять себя летом?), были на работе. Это крайне упростило сам процесс оглашения и позволило адвокату внести заметную лепту в ход дальнейших событий. Огласив завещание и объяснив, каким образом Игорь может им воспользоваться, Семён Семёнович предложил свою кандидатуру в качестве поверенного Игоря в его делах, на что Игорь без тени сомнения согласился.

– Поздравляю, Игорь Валерьевич! – передавая Игорю документы, сказал адвокат.

– Поскольку мы с вами подписали соглашение о моих правах и обязанностях в отношениях с вами, я хотел бы уточнить некоторые моменты и дать вам несколько дружеских советов.

– Слушаю вас, Семён Семёнович!

– Если желание узнать причину, по которой вы получили наследство, не оставило Вас, то я мог бы незамедлительно заняться выяснением этого вопроса. Что вы скажете на это?

– Конечно, Семён Семёнович. Не хочу до конца жизни теряться в догадках, кто и почему меня осчастливил. Да и родным интересно.

– Хорошо. Я завтра же начну заниматься этим вопросом. Прежде, чем приступить к советам, я хочу вам сказать, что практически вся моя жизнь связана с разрешением конфликтных ситуаций, возникающих между людьми в самых разных сферах человеческой жизни. Исходя из этого, я советую вам отказаться от мыслей что-то кому-то дарить, включая и ваших родственников.

– Но как же... – попытался было возразить Игорь, но Семён Семёнович остановил его:

– Вы не до конца выслушали меня. Ваши родственники люди самодостаточные. Никакими недугами не страдают. Все в той или иной мере могут обеспечивать своё существование. Поэтому какие-то жертвования в их пользу могут породить для вас массу проблем. Поверьте мне, что за одним желанием решить свои проблемы за ваш счёт, обязательно появится следующее. А за ним ещё и ещё. Они будут нарастать как снежный ком, и этому не будет конца. И когда-нибудь вам придётся отказать, что совершенно определённо вызовет конфликт. И этот конфликт, если вы будете тверды в своём отказе, обязательно приведёт не только к разладу в семье, но и попросту к ненависти. Вас будут обвинять во всех смертных грехах, совершенно забыв о том, что вы уже для них сделали. И поверьте, что ваша жизнь превратится в ад. Вам это нужно?

– Нет, конечно. Но что вы предлагаете?

– Я предлагаю вам уехать. Хотя бы на время. И поскольку завещания никто не знает, то можно было бы мотивировать ваш отъезд желанием завещателя в обязательном порядке возложить цветы на его могилу. И, скажем так, что только после этого посещения, вы в полной мере сможете воспользоваться наследством. Это, конечно, ложь, но, как бы, ложь во спасение. Вам и объясняться ни с кем не придётся. Попутешествуйте месяц-другой, свыкнитесь с вашим новым положением, а там уж и принимайте окончательное решение.

– Что бы выехать за границу, нужен загранпаспорт, а у меня его нет. И в планах не было путешествовать.

– Это не проблема. Сделаем в кратчайшие сроки. Теперь о самом наследстве. Поскольку опыта обращения с акциями у вас нет, предлагаю обратить их в деньги, положить все имеющиеся у вас средства на депозит и жить на проценты. Поверьте, что этих денег с лихвой хватит и на безбедное существование, и на путешествия по всему миру. Так что не бойтесь заскучать. Согласны?

– Конечно. Играть на бирже я не собираюсь, так как попросту ничего в этом не смыслю. А смогу ли я снимать деньги с депозита в случае необходимости?

– Конечно. Только учтите, что чем больше вы снимите, тем меньше будет сумма ваших выплат.

– Понятно. Остаётся вопрос с жильём и автомобилем.

– Это тоже не проблема. Если доверитесь мне, то и подходящую квартиру, и обстановку, и автомобиль я куплю вам в самые короткие сроки. Пока вы путешествуете, всё будет сделано. Но позволю себе дать вам ещё один совет.

– Какой?

– Квартиру лучше купить где-нибудь в другом месте. Лучше всего, скажем, в Крыму. Преимущества такого выбора очевидны: и от родственников далеко, следовательно, избежите неприятных вопросов, да и от прочих знакомых, у которых наверняка появится желание пожить за ваш счёт. Согласны?

– Да. Но лучше, я думаю, всё-таки не квартиру, а дом. Не меньше двух этажей, с большой террасой и видом на море.

– Договорились. В таком случае надо подписать соответствующие документы, и я займусь делом. Паспорт будет готов через три дня. Билеты до места назначения я вам закажу, а весь дальнейший маршрут вашего путешествия можно будет определить в турагентстве. Во времени ограничивать себя не стоит. Чем дольше будете путешествовать, тем больше привыкнете к вашему новому положению. Согласны?

– Наверное, вы правы. – подвёл итог Игорь, и они занялись оформлением необходимых документов.

Глава 4

Никаких подозрений и вопросов условие посещения могилы усопшего в семье не вызвало, что очень обрадовало Игоря. Документы и билеты были готовы в оговоренные ранее сроки и Игорь, попрощавшись с родными, отбыл во Францию. Хотя не со всеми удалось попрощаться лично. Отец так и не вернулся с дачи по причине недомогания, и они попрощались по телефону. Причём Валерий Захарович был необычно холоден в разговоре с сыном. Никто из них не мог и предположить, что это их последний разговор в этой жизни. Игорь обратил внимание на отрывистые и какие-то не совсем адекватные слова отца в разговоре с ним, но отнёс это на счёт болезни. Здесь надо сказать, что в тот вечер, когда семья узнала о свалившемся на Игоря наследстве, Валерий Захарович, сообщив домашним о поездке на рыбалку, мягко говоря, лукавил. Новость об этом просто раздавила его. Он сидел за столом, не вникая в радостные пересуды домашних, и боялся даже подумать о том, по каким причинам наследником какого-то незнакомого ему человека оказался его сын. Разрушительная мысль «А сын ли?» сдвинула всё его существо. А за ней, цепляясь друг за друга, кружась и переворачиваясь, последовали и другие предположения, вероятности и догадки, в основе которых лежало одно ужасное подозрение, переходящее в уверенность – измена. То ли по свойствам своего характера, то ли потому, что Ирина Алексеевна не давала ему повода для подобного рода мыслей, он никогда не испытывал чувства ревности. И, если ранее недоумевал и удивлялся ужасным последствиям, к которым приводила ревность (на примере других, разумеется), то сейчас он попросту испугался этого всепоглощающего, мгновенно охватившего его чувства. Испугался той власти, которую она получила над ним и особенно своего бессилия перед этой властью. От чувства обиды на его глазах выступали непрошенные слёзы, которые пытался украдкой смахивать, отворачивая в сторону или наклоняя голову, но дальнейшее пребывание в семье грозило закончиться чем-то страшным и постыдным. Ему надо было побыть одному, и спасительная мысль о рыбалке пришла в голову как нельзя кстати. Сообщив об этом родным, Валерий Захарович в течение нескольких минут собрался, благо всё было приготовлено заранее и лежало там, где должно было лежать, и вышел из дома. Сев в машину, резко газанул, и поехал в сторону дачи. Дача была тем спасительным местом, где он постоянно скрывался в случаях разлада в семье, переживая вспыхнувшие страсти, и давая им остынуть, тем самым, получая возможность более трезво оценить возникшие разногласия и разрешить их как можно более безболезненно. Валерий Захарович был мудрым человеком. Жизнь учит тех, кто хочет учиться. Валерий Захарович хотел.

Заехав в магазин, запасся продуктами, купив так же два литра водки. В её чудодейственное свойство упрощать ситуацию он знал, но знал также и то, что она не всегда с этим справлялась, порой, только разжигая и усиливая вспыхнувшие страсти. В данном случае он поступил так, как обычно и поступает русский человек.

Между тем семья продолжала жить своей обычной жизнью. Прошла неделя со дня отъезда Игоря, затем другая, но вестей от него не было. Никто из домочадцев не переживал по поводу его отсутствия, кроме, пожалуй, Ирины Алексеевны. Она привыкла к тому, что сын всегда сообщал о своём местонахождении, поэтому столь долгое молчание вызывало тревогу. Потерпела ещё какое-то время, но, так и не дождавшись звонка, позвонила Семёну Семёновичу, чтобы справиться о сыне. Известия, которые сообщил ей адвокат, вогнали её в ступор. Она прекрасно знала своего сына, его эгоизм и самолюбование, но то, что сообщил ей адвокат, выходило за все рамки допустимого. Он поведал ей, что Игорь Валерьевич приобрёл дом в другом городе и больше не намерен здесь проживать; что он уехал за границу и сколько пробудет там, пока и сам не знает; что, во избежание конфликтов в семье по поводу наследства, он решил в город не возвращаться; что он будет готов помочь материально только в случае

болезни кого-либо из членов семьи и связанных с ней расходов на лечение; что он уверен в том, что каждый должен строить своё счастье сам, поэтому считает неправильным решать чьи-либо проблемы за его счёт; в связи со всем вышесказанным просит не искать его и не беспокоить какими-либо просьбами финансового характера, а в случае возникновения какой-то экстраординарной ситуации, обращаться к его адвокату. Выслушав всё это, Ирина Алексеевна почувствовала, что на неё только что, впрочем, не на неё, а на её душу, вылили ушат мерзостей, хотя, как ни странно это звучит, ей казалось, что она эту мерзость ощущает даже физически. Обида, непонимание, растерянность, страх и стыд одновременно охватили её. Женская интуиция подсказывала ей, что всё услышанное является только прелюдией чего-то более трагичного и ужасного. Даже не пытаясь найти ответов, по каким причинам её любимый сын так поступил с ними, стала звонить мужу, чтобы рассказать об этом. Молча выслушав её рассказ, Валерий Захарович попросил её приехать на дачу, чтобы обсудить всё это.

Глава 5

Приехав на дачу, Ирина Алексеевна обнаружила своего мужа, сидящего за накрытым столом.

– Что празднуем? – не поздоровавшись, спросила она.

– Да что ж тут праздновать? – отозвался муж. – Уж скорее поминки справляю.

– Ты понял, что я тебе говорила? – спросила Ирина Алексеевна, не обращая внимания на последние слова мужа.

– Что именно?

– Не делай вид, что ты не понял вопроса! – с раздражением сказала Ирина Алексеевна.

– Тебя это удивляет? – грустно спросил Валерий Захарович.

– Конечно! Конечно, меня это удивляет. Какую мать не удивит то, что её дитя в одночасье из родного и любящего сына превращается в бездушного и неблагодарного дельца?

– Да очнись ты, Ира. Любящим сыном он был только в твоём воображении. На самом деле он эгоист до мозга и костей. И таким он был всегда. И когда совершал какие-то поступки, которые тебе казались благородными, на самом деле в них всегда присутствовала корысть. Всегда! И печальнее всего то, что его воспитало наше время, а не мы с тобой.

– То есть?

– Я когда-то читал, что англичане проводили очень бесчеловечный, но крайне показательный эксперимент. Они взяли какое-то число новорождённых детей от бездомных матерей и на протяжении всего их взросления содержали в изоляции, никогда не общаясь с ними, а только давая пищу. В результате все без исключения превратились в совершенно недееспособную биомассу. То есть, эти новорождённые дети потеряли способность мыслить. Скорее даже не потеряли, а не обрели. И все последующие попытки по прошествии какого-то времени научить их чему-то потерпели крах. Тогда я впервые задумался о Боге. И по одной простой причине – если человек не может самостоятельно начать мыслить и осуществлять какую-то разумную деятельность, то обязательно должен быть кто-то, кто его этому научит. Кто, кроме Бога? И вся эта теория эволюции и все её «доказательства» представляются мне совершенным бредом.

– К чему ты мне всё это говоришь?

– В том, что Игорь стал таким человеком, виноваты мы с тобой. Я совершенно не снимаю с себя ответственности, потому что пошёл у тебя на поводу. Человек с малых лет должен знать, что такое хорошо, а что такое плохо. Это должны были объяснить ему мы. И не просто объяснить. Надо было сделать всё от нас зависящее, чтобы это знание стало сутью его жизненных позиций. А ты помнишь, что было главным принципом его воспитания?

– Что?

– Ну, вот. Я так и знал, что ты забыла. Главным принципом его воспитания был твой лозунг: вырастет, сам во всём разберётся. Он и разобрался.

– Знаешь, Валера...

– Подожди, пожалуйста. Я ещё не всё сказал. Можно горевать по поводу его поступка, но, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Аня очень переживала по этому поводу. Денег этих у нас не было, так что в реальности мы ничего и не потеряли. Постарайся объяснить ей это. И главное. Постарайся сделать так, чтобы дети не возненавидели Игоря. Объясни им, что жалеть его надо, потому что деньги кончаются, а дела остаются. Да, если даже и не кончаются, то бесследно такие поступки не проходят.

– Почему я должна им объяснять? А ты?

– Потому что я ухожу от тебя Ира, – грустно произнёс он.

– Что значит ухожу?

– У тебя есть какое-то внятное объяснение, по какой причине совершенно незнакомый человек оставляет Игорю наследство?

– Нет, – испуганно прошептала она.

– Я долго над этим думал, Ира. Мы дружно прожили с тобой почти сорок лет, и за все эти годы ты ни разу не мне давала повода усомниться в твоей верности. Но я вспомнил, что во время нашей учёбы в институт по программе обмена студентами приезжала группа французских ребят.

– Так ты думаешь... – прошептала Ирина, – что я ... – выдохнула она с ужасом, широко открытыми немигающими глазами уставившись на мужа.

– Разводиться в нашем возрасте нет никакого смысла, но жить я с тобой больше не буду. Я буду жить здесь, на даче, – продолжал он, но Ирина его уже не слышала. Тупая ноющая боль обручем сжимала голову, а глаза заполнились слезами обиды и горечи. Она встала, и, не обращая внимания на всё ещё говорящего мужа, как в бреду побрела из дома.

Глава 6

Бесцельно погуляв по Парижу, Игорь заскучал. Его не интересовали ни знаменитые на весь мир музеи, ни достопримечательности, ни люди. В силу поверхностности своих знаний он об этом ничего не знал. А что может быть более неинтереснее того, о чём ты ничего не знаешь и в чём ты совершенно не разбираешься? Вроде бы всегда хотел побывать в Париже, при этом, даже не задаваясь вопросом «зачем». Все почему-то обязательно хотят побывать в Париже, а потом, якобы, и умереть не страшно. Хотя, если попытаться узнать у девяноста девяти процентов желающих это сделать, зачем им это нужно, то что-то вразумительное вы вряд ли услышите. И этим людям совсем невдомёк, что куда лучше, полезней и радостней было бы, например, просто побывать в лесу и тихонько посидеть на пенёчке, вдыхая чистый лесной аромат, и наслаждаясь тишиной и лесным покоем. В итоге Игорь быстро заскучал и стал проводить время за бокалом вина в кафе на открытом воздухе, бездумно сидя и разглядывая прохожих. Что делать дальше, он не знал. Вероятнее всего он попросту вернулся бы в Россию, но однажды оказался за столом со своим соотечественником примерно такого же возраста что и он, так же сибаритствующим и прожигающим жизнь. Эта встреча несколько скрасила его пребывание в Париже, а затем и наполнила хоть каким-то смыслом его дальнейшее существование. Соотечественник так же мучился от безделья и отсутствия каких-то планов на будущее. Хотя план у него всё-таки был, но он почему-то не решался воплотить его в одиночку. План его был удивительно прост – заняться секс туризмом. И, если для России и её граждан, которые в большинстве своём ещё не утратили нравственных жизненных принципов, такой вид туризма был бы чем-то неприемлемым, то для Европы и её свобод, это было в порядке вещей. В таких случаях сами знаете как: стоит хоть раз преступить запретную черту, ну а дальше – как в яму с нечистотами. А когда ты привыкаешь к их неприятному омерзительному запаху, со временем он уже не кажется тебе таким уж отвратительным, а даже становится приятным, и ты начинаешь, мало-помалу, наслаждаться им, то попробуй потом выплыви оттуда. Соотечественник нашёл в лице Игоря родственную душу. С тех пор понеслось и поехало. И эта вакханалия, состоящая из безудержного секса и его неотъемлемых спутников – алкоголя и наркотиков, колесящая по всему миру, забывшая обо всём на свете, смогла остановиться только тогда, когда оказалось, что Игорь заразился где-то специфической труднопроизносимой болезнью и вынужден был лечь в клинику на лечение. Эта болезнь оказалась не единственной. При глубоком обследовании выяснилось, что ему категорически противопоказан алкоголь по причине начавшегося цирроза печени. Только затянувшееся пребывание в клинике разрушило союз двух друзей и предотвратило окончательное падение нашего героя. Счёт за лечение оказался просто убийственным. Но не заплатить было невозможно, так как у них там принцип один: вечером деньги, утром стулья. Здесь бы, конечно, самое время погоревать о том самом пенёчке посреди леса, но, кто же знает о его существовании? Тем более наш герой. Две трети наследства были истрачены. Если бы просто взял и спустил эти деньги в унитаз, то пользы было бы куда больше. И в нравственном плане, и в плане здоровья. А так... Осознав, что при таком образе жизни очень скоро может оказаться в таком же положении, что и до получения наследства, и будет вынужден вернуться на так любимую им стройку, Игорь решил возвращаться домой. Тем более, что своего нового дома так ещё ни разу и не видел. Надо сказать, что Игорь не послушал совета адвоката приобрести дом в Крыму, так как опасался многолюдности, и согласился на покупку одиноко стоящего большого двухэтажного дома на берегу Ладоги. До ближайшей деревни было несколько километров, и это его устраивало. Даже близкое соседство с безразлично кем, казалось ему нежелательным. Он хотел жить один. Причину этого желания он себе не объяснял, хотя было очевидно, что подсознательно сторонился людей по причине самой простой – угрызений совести. Трудно забыть, как ты поступил с самыми родными тебе людьми.

Игорь не предполагал, что израненная совесть будет укорять его всю оставшуюся жизнь и ему будет трудно смотреть прямо в глаза не только родным, но и любому человеку вообще. Но это был его выбор.

Глава 7

Сидя в кресле – качалке, Игорь предавался самым разным размышлениям. Какой-то чёткой последовательности мысли у него не наблюдалось никогда, и порой его посещали самые экзотические образы и пожелания. Однажды вспомнил мультфильм, в котором один из героев подвергся удару током, и из его глаз посыпались искры. Идея проверить и зафиксировать этот феномен почему-то захватила его. Недолго думая, за неимением какого-либо инструмента вообще, ножом снял пластиковую крышку розетки, и, выставив вперёд руку со смартфоном для записи на камеру, быстро, чтобы не дать страху овладеть собой, ткнул двумя пальцами в контакты. Удар тока пронизал тело и отбросил руку, но ожидаемых искр не было. Игорь остановил и просмотрел запись. Там тоже не было никаких искр. «Врут, сволочи!» – с чувством какого-то внутреннего удовлетворения подумал он. Такие неожиданные всплески мыслей и желаний посещали его по причине абсолютного отсутствия не только дел, которые занимали бы время, но и самого желания этими делами заниматься. Читать он не был приучен с детства. Телевизор работал круглые сутки только для того, чтобы как-то скрасить одиночество, но он редко задумывался над тем, что смотрел по телевизору. Иногда, правда, выбирался на автомобильную прогулку. Почему-то был уверен, что пешие прогулки не соответствуют его статусу богатого человека, хотя вокруг не было ни души. Да и богатства по сути дела тоже. Богатым человеком он был только в своём воображении. Вот и сегодня, просидев, покачиваясь несколько часов на террасе, решил поехать покататься. Выехав из гаража, направил машину в сторону от деревни. В нескольких километрах от его дома был незаметный съезд к озеру, где он обычно останавливался, чтобы полюбоваться завораживающей красотой Ладоги. По привычке приехал на то же место. Остановив машину, увидел барахтающегося в полынье, метрах в пяти-шести от берега пса. Недавно показанное по телевизору видео, как один мужик, ломая лёд, по грудь в воде пробирается к тонущей собаке и спасает её, всплыло в его голове. Особенно восторженные комментарии по поводу этого поступка. «А я смог бы так?» – вдруг подумал он. И тут же безрассудно отозвался: «Да запросто!», и ни о чём не думая, шагнул в воду. Ледяной холод обжёг ноги. Желая как можно скорее покончить с этим, Игорь заторопился и, встав ногой на скользкий от слизи камень, поскользнулся и с головой ушёл под воду. Вынырнул и, пытаясь выбраться на берег, начал соскальзывать всё дальше в озеро, чем помог тонувшей собаке. Она воспользовалась головой рядом барахтающегося человека, чтобы опереться на неё и выбраться на лёд. Страхнув воду, псина помчалась в сторону деревни, не обращая никакого внимания на своего спасителя. Мучения продолжались совсем недолго. Игорь утонул, так и не поняв, что ценой своей жизни спас собаку.

Глава 8

В квартиру к Телегиным позвонили. Ирина Алексеевна, одетая во всё чёрное, открыла дверь. На пороге стоял Семён Семёнович. Удручённый вид адвоката не предвещал ничего хорошего.

– Здравствуйте, Ирина Алексеевна, – извиняющимся тоном произнёс адвокат.

– Здравствуйте, Семён Семёнович, – сухо отозвалась на приветствие Ирина Алексеевна. Она понимала, что Семён Семёнович не имеет прямого отношения к её несчастью, но своей неприязни к нему скрыть не могла.

– Вы всё знаете? – удивлённо спросил адвокат.

– Знаю ли я, что умер мой муж? – с раздражением ответила на вопрос вопросом Ирина Алексеевна. – Конечно, знаю. И если вы пришли выразить соболезнования, то не стоило беспокоиться. Тем более ни он, ни вся наша семья не имеют к вам никакого отношения.

– Увы, Ирина Алексеевна, но это не так. Я дорого бы дал за то, чтобы вы оказались правы, но обстоятельства сложились так, что я, именно я, хоть и невольно, явился источником несчастий вашей семьи. Я понимаю, как вам сейчас тяжело, но всё-таки прошу вас рассказать мне об обстоятельствах его смерти. Поверьте, что у меня есть основания просить вас об этом.

– Последнее время Валерий Захарович жил на даче. Правильнее было бы сказать, со дня вашего появления с этим треклятым наследством. Он стал думать, что Игорь не его сын, хотя это не так, и не захотел больше жить здесь. Хоть и редко, но мы по телефону общались. Два месяца назад он перестал отвечать на звонки. Я забеспокоилась и поехала на дачу. Нашла его мёртвым, лежащим на полу. У него случился инсульт. Но умер он не от инсульта, а от того, что попросту замёрз. Понимаете? Он умер потому, что никого не было рядом. От того, что меня не было рядом.

– Я понимаю ваше горе, Ирина Алексеевна, – попытлся утешить её Семён Семёнович.

– Что вы понимаете? Ничего вы не понимаете! – со слезами в глазах бросила Ирина Алексеевна. – Теперь он постоянно приходит ко мне во сне, молчит, плачет и то ли с укором, то ли с сожалением смотрит на меня. Я всё время прошу его: «Валера! Ну, скажи хоть что-нибудь!», а он молчит и плачет. И так каждую ночь. Вы не представляете, как я измучалась. Мне кажется, что я сойду с ума, – закончила Ирина Алексеевна и горько заплакала.

Семён Семёнович, понимая тщету каких-либо слов, молчал. Ирина Алексеевна, однако, быстро взяла себя в руки. Вытерев слёзы, извинилась перед адвокатом:

– Простите, Семён Семёнович. Что привело вас к нам?

– Я понимаю всё ваше горе, Ирина Алексеевна, но я не могу от вас скрывать, что произошло ещё одно несчастье.

– Сын? – опередила адвоката Ирина Алексеевна.

– Да, Ирина Алексеевна. Его нашли замёрзшим в лёд на Ладожском озере.

Его нужно похоронить. Поэтому я и приехал к вам.

– Сын для меня перестал существовать с момента нашего памятного разговора с вами. Так что хороните его сами. Деньги на это, я надеюсь, у него остались? Нас на похороны не ждите. Не мы от него отказались, а он от нас.

– Хорошо.

– У вас всё?

– К сожалению, нет, Ирина Алексеевна.

– Что же ещё?

– Дело в том, что Игорь Валерьевич поручил мне выяснить, по какой причине ему досталось это наследство.

– И что же вы выяснили?

– Прежде, чем ответить на ваш вопрос, я хотел бы уточнить некоторые детали относительно сестры Валерия Захаровича. Они двойняшки, насколько мне известно?

– Да, – утвердительно ответила Ирина. – А причём здесь она?

– А у неё есть дети?

– Да. Двое. Сын и дочь.

– А как зовут сына?

– Игорь, – ответила Ирина Алексеевна, начиная понимать, что хочет сказать адвокат, и, не дожидаясь следующего вопроса, закончила:

– Они родились в один день с моим Игорем. И зовут сестру так же, как и меня, Ириной, – она всё поняла и опустошено посмотрела на адвоката.

– Какая же я дура! Какая же я бестолочь! – воскликнула Ирина Алексеевна, и новый поток слёз полился из её глаз. Успокоившись, она продолжила:

– Мы все: я, мой муж и Ирина, учились на одном курсе. На третьем курсе к нам на факультет по программе обмена студентами приехали трое французских студентов. И у Ирки был роман с одним из них. Французы, конечно, уехали домой, а Ирка на четвёртом родила, как и я. Только мы с Валерой уже были женаты, а она осталась матерью одиночкой. Но на пятом курсе, прямо перед окончанием института, она вышла замуж. За Женьку Никишина. Он за ней ухлёстывал с самого начала учёбы, и готов был взять её хоть с тремя детьми. Сразу же после окончания учёбы они уехали на Север, да так и живут там. Я не вспомнила о них только потому, что у нас давным-давно нет с ними связи, да и фамилия её изменилась. Поначалу переписывались, перезванивались, а потом стали делать это всё реже и реже. И как-то сама собой связь и вовсе оборвалась. Стёрлись из памяти, – закончила она.

– Значит, эти деньги предназначались не Игорю, а его двоюродному брату?

– обратилась она к адвокату.

– Вероятнее всего, так и обстоит дело.

– И что же вы намерены теперь делать? Он, небось, кучу денег успел потратить?

– В том-то и дело, что кучу, – угрюмо подтвердил адвокат.

– И кто же будет возмещать эти траты?

– Пока не знаю, но вполне вероятно, что это придётся делать мне.

– Почему вам? – не поняла Ирина Алексеевна.

– Причиной произошедшей ошибки наверняка признают мои непрофессиональные действия. Но, кто же мог предугадать такое стечение обстоятельств?

– У вас есть средства, чтобы возместить траты моего сына?

– Откуда, Ирина Алексеевна? Я хоть и неплохо зарабатываю, но больше двадцати миллионов евро для меня такая же фантастическая сумма, как и для вас.

– И куда же он такие деньжищи потратил, интересно?

– Скажем прямо, не на помощь бедным.

– Я и не сомневалась. И что же вы собираетесь делать?

– Я даже подумать боюсь о том, что кто-то узнает об этом. Но перед вами я буду откровенным и хочу сказать, что и моя судьба, и судьба моих детей и внуков находятся в ваших руках. Как решите, так и сделаем.

– То есть, если я решу обнародовать то, что вы мне сказали, то несчастными окажутся ещё какое-то количество людей? Я правильно думаю?

– Да, – коротко подтвердил адвокат.

– Ну, уж нет, Семён Семёнович! Хватит! И что же за мерзавцы придумали, что счастье в деньгах? Врут ведь, сволочи! Вот что мы с вами сделаем, Семён Семёнович. Говорить об этом мы с вами никому не будем, а поскольку эти деньги нам не принадлежат, то после вступления в наследство, я передам все эти деньги благотворительному фонду. Я не допущу того, чтобы от

них пострадал ещё хотя бы один человек. Вас устроит такое развитие событий, Семён Семёнович? – спросила Ирина Алексеевна, обращаясь к адвокату.

Семён Семёнович, чувствуя, что опасность миновала, и его семья спасена, сидел и молча, по-мужски, плакал. Ирина Алексеевна, увидев это, тоже заплакала, подошла к Семёну Семёновичу, обняла его за плечи и принялась успокаивать как маленького ребёнка.

Так и хочется закричать на весь мир: «Люди! Где вы?» и услышать в ответ: «Мы рядом! Мы везде!»

Старшему брату, Мише, посвящается.

Шмакодявка

Новелла

Глава 1

– Ну, ты посмотри на неё, а! Ты что же творишь, сука ты старая? – заорала Люська, открыв дверь в сарай. – Семён! – вновь закричала она. – Семён! Поди-ка сюда.

– Ну, чего тебе? – отозвался муж, подходя к сараю.

– Ты посмотри, что сотворила эта старая сучка. – сказала Люська, указывая куда-то вглубь сарая.

– Ну, чего ещё? – заглядывая в сарай, спросил Семён. Обследовав то, на что указывала жена, он пожал плечами, не выразив ни удивления, ни возмущения, и снова спросил:

– Ну, и что?

– Как что? – возмущённо спросила жена. – А кто мне всю плешь проел, когда я утопила щенят? – с не меньшим возмущением обратилась она к мужу. Относительно плещи она не выдумывала, но то, что причиной её появления был Семён, явно не соответствовало действительности. К своим сорока с небольшим Люська, которую когда-то в молодости называли и «Людой», и даже «Людочкой», превратилась просто в «Люську». Звали её так все, за исключением собственных детей, по нескольким причинам: со временем, то ли по причине нескончаемых забот и неудовлетворённости жизнью, то ли потому, что иначе и быть не могло, она из стройной и привлекательной девушки превратилась в какую-то совершенно непонятных форм ватную и не очень опрятную женщину, которая не знала в принципе, что такое терпение и, в особенности, молчание. Разговаривала она всегда, безотносительно того, был собеседник или его не было вовсе. Разговаривала с коровами, курами, собакой, небом, землёй, огородными растениями, камнями, вилами, то есть, абсолютно со всем, с чем она сталкивалась в жизни. Список её собеседников можно было бы продолжать до бесконечности, с которой она, впрочем, тоже непременно нашла бы, о чём поговорить. Хотя, можно было бы предположить, что вела она себя так по той причине, что её муж, Семён, был в этом плане её абсолютным антиподом, то есть, молчуном. Вытянуть из него хотя бы слово было большой проблемой не только в обычных обстоятельствах, но даже и тогда (имеются в виду стрессовые ситуации), когда любой другой человек обязательно что-нибудь, да сказал бы. Даже его сватовство было предельно кратко и необычно. Придя как-то домой к родителям Люськи с бутылкой водки, он, сидя за столом с её отцом и дождавшись её прихода, произнёс только два слова:

– Замуж пойдёшь?

И, то ли от неожиданности заданного ей вопроса, то ли потому что у него были золотые руки, и был он неутомимым тружеником, а может и потому, что претендентов было не так уж что бы много, и опасность остаться в старых девах была более чем вероятной, хохотушка Люська, не раздумывая, согласилась. Следующим словом, которое она от него услышала, было слово: «Да», произнесённое им в Загсе. Но семья, несмотря на эти внешние несовместимости, состоялась. Состоялась во всех смыслах. И дом, и дети, и скотина, да и всё хозяйство вообще, находились под постоянным приглядом неутомимого молчуна Семёна и его говорливой жены. В этом сосуществовании двух, казалось бы, противоположностей, было одно неоспоримое и очень существенное преимущество – они не ругались. Ни по мелочам, ни по более серьёзным причинам. Спорить с тишиной было настолько бесполезно, что Люське, довольно хорошо изучившей своего мужа, вполне достаточно было его молчаливого взгляда, в котором она без-

ошибочно угадывала его одобрение или неприятие, поэтому споров «ни о чём», из-за которых чаще всего и рушатся семьи, не было вообще.

– Пусть живёт! – отрезал Семён и пошёл по своим делам.

– Это? – с недоумением спросила Люська. – Да это что такое вообще? – обратилась она с вопросом к лежащей в углу сарая большой дворовой собаке Найде, рядом с которой возились три довольно внушительных размеров толстопузых щенка. Чуть поодаль от них копошилось некое неопределённое космато-волосатое существо, размером не более половины своих сестёр. Щенки, благодаря своему размеру и превосходству в силе, оттеснив уродца, усиленно чмокали, припав к соскам матери, и не давая возможности полакомиться их неудавшемуся брату. Но так продолжалось совсем недолго. Бесформенный комочек, сообразив видимо, что мирные переговоры в данном случае неуместны, впился своими острейшими зубками в ногу одной из своих сестёр, заставив ту завопить и ретироваться, и занял её место. Люська с удивлением посмотрела на происходящее и резюмировала:

– Не сдохнет! – и, не удержавшись, укорила Найду:

– Не кормили тебя что ли? – обратилась она собаке, которая, чувствуя, видимо, свою вину, прижимала морду к земле, униженно снизу вверх поглядывала на хозяйку, и порывисто махала пушистым хвостом. – Шмакодявка какая-то. – с презрением заключила Люська, и пошла по своим делам.

Глава 2

Щенков Люська раздала быстро. Окружённый лесом посёлок зачастую подвергался, особенно снежными зимами, нападениям хищников (лис и волков) на домашнюю, включая и небольших собак, живность. Так что наличие большой и агрессивной собаки было большим подспорьем в борьбе с ними. Шмакодявку, понятное дело, никто брать не захотел. Бесплезное всегда в тягость. А презрительно–уничижительное прозвище, данное Люськой изначально, так и прилипло к щенку, хотя звать его стали Шмаком по причине того, что это был, во-первых, кобель, а, во-вторых, слишком уж длинной была эта кличка. Язык сломаешь, пока выговоришь. Со временем Шмак подрос, но так и остался недомерком, габаритами напоминая скорее большую болонку, нежели крупную сторожевую собаку, какой была его мамаша. Неестественно толстые кривые ноги, такое же толстое тело, напоминающее докторскую колбасу, и густая чёрная шерсть дополняли неприглядный образ. Люська, сталкиваясь со Шмаком, только горестно вздыхала, глядя на эту ошибку природы. «Нахлебник!» – думала Люська до тех пор, пока он не опровергнул её ошибочное мнение. Как-то, на следующий год после рождения Шмака, Люська, возившаяся в огороде, услышала какие-то истошные визги и шум отчаянной борьбы, доносившиеся из-за дома. Бросив работу, она поспешила на шум. Открывшаяся картина одновременно и напугала её, и наполнила её сердце умилением и гордостью. Недалеко от изгороди в яростной схватке сцепились Шмак и коршун. Понять, что происходит, было невозможно. Катающийся клубок тел, хлопанье крыльев, перья вразлёт и ор дерущихся просто заворожили Люську. Внезапно всё смолкло. Косматое чудо отлепилось от бездыханного тела коршуна, и, повизгивая от боли и, не обращая на Люську никакого внимания, поплелось в сарай зализывать раны. «Семён!» – почему-то родилось в сознании женщины. Люська смахнула слезу умиления и, увидев испуганно прижавшихся друг к другу детей, улыбнулась и с гордостью произнесла, обращаясь к ним:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.